

Вернувшись в свои покои, Цзи Линьси мгновенно сбросил личину, которую столь искусно носил перед другими учеными. Едва захлопнув дверь, он до боли сжал кулаки и тяжелым шагом подошел к постели.

Природа наделила его талантом и острым умом, а сам он не щадил сил, проводя дни и ночи за книгами. У него была ясная цель, к которой он стремился вопреки всему, и теперь, когда ему твердили, что заветная вершина недостижима, его сердце наполнилось яростным негодованием и разочарованием.

Пытаясь обуздать гнев, он выложил на стол всё, что имел: оставшиеся серебряные билеты, нефритовую шахматную фигурку и Нефритовую мазь от шрамов. Лишь глядя на эти вещи и воскрешая в памяти образ прекрасного принца, он смог обрести подобие спокойствия.

«Верно, это лишь столичные экзамены следующего года...»

«Цзи Линьси, сейчас для тебя нет ничего важнее нынешних провинциальных испытаний»

Он привык заглядывать далеко вперед, но сейчас эта привычка лишь раздувала его тревогу и неуверенность. Осознав это, Линьси сжал в ладони подарки, оставленные молодым господином, и заставил себя успокоиться.

«Вот оно что»

Теперь он окончательно разгадал замысел Су Цили. Тот намеренно сеял смуту в душах соискателей, надеясь выбить их из колеи в самый ответственный миг. В таком деле, как государственные экзамены, ясность ума и твердость духа важны не меньше знаний: стоит сердцу дрогнуть, и на успех можно не рассчитывать.

Ныне на кону лишь звание цзюйжэня. К чему изводить себя раньше времени? Проблемы нужно решать по мере их поступления.

Сжимая в одной руке нефритовую фигурку, сохранившую тепло ладони принца, а в другой — Нефритовую мазь от шрамов, дарованную тем лично, юноша поочередно прижал их к губам.

— Господин, — прошептал он с благоговением, — молю, покровительствуйте мне. Помогите занять место баньяна, дабы я мог возвыситься в чинах, разбогатеть и служить вам верой и правдой.

Он не желал довольствоваться малым, не хотел оказаться во втором или третьестепенном списке сдавших. Его целью была лишь высшая ступень — «цзиньши цзиди», ибо только так он сможет развернуть свои крылья и заключить красавца в объятия.

За день до начала провинциальных испытаний в Цзянлине не осталось ни единого свободного угла. Многим ученым пришлось устраиваться прямо на улицах под открытым небом. Благо, август стоял погожий, и провести ночь на земле было делом нехитрым.

Богатые же соискатели принялись сорить деньгами, пытаясь перекупить кров. Если за тридцать лянов комната не находилась, в ход шли пятьдесят, а то и сотня... Трудно было представить, с какой легкостью эти баловни судьбы расставались с золотом, словно это была простая бумага. Иные предприимчивые ученые даже умудрялись на этом заработать, но корыстолюбивый Линьси на сей раз сдержал свои порывы.

Он сам когда-то промышлял воровством и прекрасно знал, что в такой сутолоке воришки не упустят своего шанса. Найти пропажу в этой мешанине лиц невозможно, а если кого и поймают — ученым, занятым экзаменами, будет не до разбирательств; в лучшем случае вора побьют и отпустят.

В его сундуке хранились вещи куда ценнее золота — особенно тетради с его собственноручно написанными сочинениями. Если их украдут, ему останется только биться головой о стену.

Что значила какая-то сотня лянов в сравнении с любовью и будущим? Весь последний день он провел взаперти, настраивая сердце на нужный лад. Он написал несколько стихотворений и, убедившись, что перо его не утратило остроты, лег спать пораньше. Набравшись сил, на следующее утро он, вооруженный рекомендательным письмом из уездного училища и свидетельством о прохождении уездных экзаменов, влился в живой поток людей, стремящихся к воротам Гунъюаня.

Испытания длились девять дней. В начале сентября, за несколько дней до оглашения окончательных результатов, по городу пошли слухи, а когда настал заветный день, толпы ученых хлынули к месту сдачи. Пора цветения османтуса была в самом разгаре, отчего и список сдавших поэтично именовали Османтусовым списком.

В день оглашения Линьси вновь прибыл в Цзянлин. Хотя соискателей здесь было чуть меньше, чем на уездных экзаменах, всё же со всей провинции собралось немало народу. К тому же поглазеть на первый важный этап кокурса пришли и простые горожане, так что у стен ямэна было не протолкнуться задолго до выноса свитков.

— Брат Цзи! — раздался знакомый голос.

Линьси обернулся и увидел Су Цили в окружении товарищей. Тот подошел с сияющей улыбкой и поинтересовался:

— Как ощущения, брат Цзи? Есть ли уверенность в успехе?

В глубине души Линьси не сомневался, что прошел отбор. Если бы он дрожал перед провинциальным экзаменом, как бы он смел помышлять о месте баньяна? Однако перед чужаками он лишь напустил на себя встревоженный вид:

— Сам не знаю... Остается только надеяться.

Собеседник похлопал его по плечу:

— Я верю в твои способности, ты наверняка справишься.

— Ну что вы, брат Су, это вы — тот, кому суждено преуспеть.

Пока они обменивались вежливыми любезностями, Линьси незаметно наблюдал за компанией. Вскоре грянул гонг. Новый префект Цзинчжоу под охраной двух отрядов стражи вынес свитки, перевязанные алым шелком. На сей раз всё было куда торжественнее, чем на уездном уровне. Вывесив алый список, чиновник произнес краткую напутственную речь и удалился.

Едва стража скрылась, толпа, подобно бушующему морю, хлынула к стене. Линьси, чьи волосы и одежды порядком растрепались в давке, сумел пробраться к самому краю. Он вскинул глаза на верхнюю часть списка — и его имя гордо сияло на первом месте!

— Кто это? Цзи Линьси?! Первое место!

— Отчего я прежде не слыхал о нем?

— Из академии Юэтянь?

Толпа зашумела, посыпались перешептывания.

Су Цили и остальные, пробравшиеся следом, застыли, увидев результат. Лицо того на миг исказилось, но он тут же взял себя в руки и с восторгом воскликнул:

— Поздравляю, брат Цзи! Какая радость! Ты — первый!

Первый в провинциальном списке удостоивался почетного звания цзеюань. Тот, кто становился цзеюанем, почти наверняка проходил и столичный отбор — вопрос был лишь в том, в какой разряд он попадет.

Видя свое имя во главе списка, Линьси хоть и ожидал этого, не смог сдержать торжествующей

улыбки.

Прошел! Снова прошел! И снова первый!

Теперь впереди лишь столичные и дворцовые экзамены — тот самый прыжок карпа через Врата Дракона, который должен был навсегда изменить его судьбу. Но именно эти испытания обещали стать самыми суровыми.

— Брат Цзи? — Су Цили легонько подтолкнул его, решив, что тот онемел от счастья. — Ты — номер один!

Линьси обернулся, нацепив на лицо маску крайнего изумления, и ткнул в себя пальцем:

— Я? Неужто я и впрямь первый?.. — Он засиял, словно человек, на которого внезапно свалилась нежданная удача. — Поверить не могу! Никогда бы не подумал! Я — цзеюань!

Глядя на него, окружающие лишь подумали, что парню сказочно повезло. Настоящие мастера, обладающие статью истинного цзеюаня, обычно и глазом не вели при виде своего триумфа.

Скользнув взглядом ниже, Су Цили нашел и себя.

— Я пятый! Я тоже прошел!

Всего в Цзинчжоу на провинциальных экзаменах было выделено чуть более тридцати мест. Каждый, кто попал в этот список, получал право в феврале следующего года отправиться в столицу. Долгие годы зубрежки — и всё ради этого мига!

— И я прошел! Тридцать третий! Последний в списке! — возбужденно выкликнул еще один знакомый.

— А я? Неужто меня нет? Брат Су, погляди еще раз, внимательнее!

— И меня поищи! Может, пропустил?

— Неужто я провалился?..

— Погодите, сейчас всё проверю, — мягко отозвался Су Цили. Он еще раз медленно просмотрел список от начала до конца и с сочувствием обернулся: — Боюсь... ваших имен здесь нет.

Трое ученых мгновенно побледнели.

— Как же так?..

— Не может быть... В академии я всегда был лучшим! — Один из них, не веря своим глазам, оттолкнул остальных и сам впился взглядом в бумагу. Не найдя себя, он пошатнулся, и если бы товарищи не подхватили его, он бы рухнул на землю.

Су Цили вздохнул и похлопал его по плечу:

— Не горюй, брат Ань. В конце концов, попробуешь силы в следующий раз. С твоим талантом ты наверняка пройдешь.

Ученого звали Ань Хуа, он прибыл из уезда Чичэн. Прикрыв глаза, из которых покатались слезы, он глухо промолвил:

— В следующий раз... Это ведь снова ждать годы. А сколько их осталось, этих лет...

Смахнув слезы, он извинился, сказав, что хочет побыть в одиночестве, и нетвердой походкой скрылся в толпе.

Когда волнение поутихло, Линьси уже собрался было откланяться, но Су Цили удержал его. Он настоял на том, что они обязаны отпраздновать успех, и в шутку добавил, что новоиспеченному цзеюаню не пристало брезговать обществом старых друзей. В стиле Линьси было не упускать возможности поесть за чужой счет, так что он охотно согласился.

Собеседник заказал отдельный кабинет в лучшем ресторане Цзянлина, что явно свидетельствовало о его немалом достатке. На пиршество были приглашены и другие ученые — всего в комнате собралось полтора десятка человек. Почти две трети из них были теми, кто успешно сдал экзамен. Глядя на то, как легко и уверенно тот распоряжается всем, Линьси вновь отметил про себя, что этот человек не так прост, как кажется.

— Брат Цзи! — Су Цили, казавшийся уже изрядно захмелевшим, подошел к нему и представил всем присутствующим: — Вот он, наш цзеюань!

Лицо его покраснелось.

— Давай, брат Цзи, я пью за твое здоровье!

Линьси коснулся своим кубком его чаши и скромно заметил, что его победа — чистая случайность, и кто знает, как обернется дело в столице.

Гости наперебой спешили выпить с ним, в кабинете стоял шум и гам. Те, кто провалил экзамен, постепенно разошлись, и к тому времени, когда луна поднялась над верхушками ив, остались лишь те немногие счастливики-цзюйжэни, кому всё было мало.

В этот миг Су Цили объявил, что приберег напоследок особый сюрприз. Когда посыпались вопросы, он лишь негромко хлопнул в ладоши.

Двери распахнулись, и в комнату вереницей вплыли более десяти прекрасных дев. На вид им было не больше восемнадцати-девятнадцати лет. Среди них были и статные красавицы, и нежные скромницы, и томные соблазнительницы — каждая была истинным сокровищем.

— Господа молодые господа... — пропели они в унисон.

Большинство присутствующих были молодыми людьми в самом расцвете сил. Долгие годы они изнуряли себя учебой, смиряя плоть и желания ради карьеры. Теперь же, когда перед ними стояло столько красавиц, нежно воркующих «молодой господин», их глаза жадно заблестели.

— Это... это же...

Изящный и хрупкий на вид юноша с понимающей улыбкой произнес:

— Мы с таким трудом прошли отбор, неужто не заслужили хотя бы одну ночь вольности? Я специально пригласил этих красавиц для моих дорогих братьев, дабы они разделили с нами радость победы.

— И то правда, господа. Мы еще никогда не пили вина с настоящими цзюйжэнями. Окажите нам честь, позвольте поднести вам по чаше, дабы и мы причастились вашей славы...

Испокон веков мужчины редко могли устоять перед искушением плоти. Насытившись яствами и вином, они неизбежно обращали мысли к запретным удовольствиям. Со смехом и шутками ученые принялись за вино в компании дев. Красавицы подносили чаши к их губам, порой принимая вино из своих уст; взгляды затуманились, а сердца забились в предвкушении.

Заметив, что Линьси по-прежнему сидит за столом и лениво ковыряется палочками в еде, Су Цили подал знак одной из дев — той, что отличалась особо благородной и скромной красотой. Та едва заметно кивнула и легкой, плывущей походкой подошла к Линьси. Опустив глаза в знак почтения, она промолвила:

— Очевидно, передо мной тот самый господин Цзи, что стал первым в списке Цзинчжоу? Могу ли я надеяться на честь испить чашу с прославленным цзеюанем?

Линьси отложил палочки. Собеседник уже ждал, что тот потянется за вином, но Линьси вдруг поднялся и, изобразив легкое опьянение, сложил руки в приветствии.

— Брат Су, час уже поздний, и кажется, хмель ударил мне в голову. Пойду поищу пристанища для сна... А вы... вы продолжайте, не смею вам мешать...

Су Цили замер в изумлении. Он никак не ожидал, что Линьси решит уйти, когда перед ним стоит такая дивная красавица.

— Брат Линьси, побудь еще немного! — Он попытался удержать его за рукав, и двусмысленно прошептал: — Ведь это сама красавица Умэн, первая куртизанка Цзянлина! О ней грезят сотни, а тебе выпала удача выпить с ней!

Однако Линьси, казалось, окончательно захмелел. Икнув, он замахал рукой:

— Нет... так нельзя...

— Не взыщи, брат Су! — Он доверительно ухватил того за плечо и забормотал, запинаясь: — Сердце моё... оно уже занято. Мой избранник — ликом подобен небожителю, а нравом — холодной луне. Высокая душа! Узнай он, что я здесь балуюсь вином с девицами... — Он выдохнул винный перегар прямо в лицо Су Цили, отчего тот невольно поморщился. — Я и не знаю, как ему в глаза смотреть буду... ик...

<http://bllate.org/book/15344/1412798>